

Служить правителю — всё равно что спать рядом с тигром.

Среди прочих выделялся один пожилой сотник речной флотилии по имени У Эр. Он отчаянно противился этому молодому господину и на каждом шагу шёл ему наперекор. Чжоу Юй раз за разом терпел, однако У Эр продолжал сыпать язвительными насмешками. Теперь он принялся попрекать Чжоу Юя юным возрастом и нехваткой опыта. Чжоу Юй уже собирался сорваться, как из каюты вышел Сунь Цэ. Направляясь к Чжоу Юю, он с улыбкой бросил:

— Как это кто-то смеет пререкаться с Гунцзином?

Чжоу Юй с недовольным видом нарочно громко произнёс:

— Мои перья ещё не окрепли, так что вполне естественно, что люди мне не подчиняются.

Сунь Цэ громко рассмеялся:

— Но я-то с тобой ровесник, а воины подчиняются мне ещё меньше!

Все солдаты переменились в лице от испуга, рухнули на колени и в один голос закричали:

— Мы все будем следовать за главой клана и главнокомандующим!

У Эр тоже перепугался до смерти, опустился на колени и не смел вымолвить ни слова. Обведя всех взглядом, Сунь Цэ произнёс:

— Нужно ли мне... повторять это снова? Видеть командующего — всё равно что видеть меня.

Все в едином порыве выкрикнули: «Есть!» — выражая свою преданность.

Эта весть быстро долетела до ушей старого воеводы Хуан Гая. Тот посчитал, что Чжоу Юй похож на баосы из эпохи Чжоу, способную погубить государство и народ, а новый глава клана Сунь Бофу, казалось, был слишком молод и не умел отличать правых от виноватых, раз потакал Чжоу Юю во всём. Хуан Гай был крайне недоволен. Он не мог смириться с тем, что столь юного Чжоу Юя так высоко ценят, и в кругу старых генералов то и дело намеренно или случайно принижал его, называя смазливym юнцом, который не годится ни для гражданских дел, ни для военных.

Эти слова, разумеется, постепенно доходили и до самого Чжоу Юя. Услышав их, Чжоу Юй велел подчиненным не поднимать шумихи и сделал вид, будто ничего не знает. В душе же он подумал: «Погодите, старый хрыч, у меня еще будет шанс с тобой разобраться. Сейчас же важнее укрепить боевой дух армии и заложить прочный фундамент для великого дела Сунь Цэ».

В последние дни Чжоу Юй заметил, что Сунь Цэ сильно изменился. Тот постоянно усердно изучал трактаты по военному делу или упражнялся в боевых искусствах, больше не докучая ему просьбами поиграть, как раньше. Казалось, после кончины прежнего главы клана он за одну ночь разом повзрослел. Он всё реже навещался к нему сам или звал к себе в покои поболтать и выпить вина.

Вспомнив слова Лу Су о том, что им достаточно просто быть рядом, Чжоу Юй не стал слишком переживать из-за отстранённости Сунь Цэ и по-прежнему каждый день самозабвенно изучал военную стратегию и старинные трактаты, чтобы иметь возможность верно помогать Сунь Цэ.

В это время в комнате Чжоу Юя Чжоу Хань склонился над масляной лампой, подливая масло, и тихо спросил:

— Почему молодой господин каждый раз так радуется, когда приходит глава клана?

Чжоу Юй с улыбкой ответил не по существу:

— Скоро мы вступим в пределы Цзяндуна, а увидеть родителей — всегда радость.

Чжоу Хань заметил, что Чжоу Юй по-прежнему неотрывно смотрит на дверь, и вздохнул:

— Молодой господин, не пытайтесь скрывать. Чувства, которые светятся в ваших глазах, когда вы смотрите на главу клана, от слуги не утаишь. Вы ведь всё равно ждёте его.

Чжоу Юй цыкнул на него и недовольно бросил:

— Если ты помолчишь, немой тебя никто не сочтет. Кого это я жду?

Чжоу Хань обиженно протянул:

— Что же мне тогда сказать почтенной госпожой, если она спросит? Молодой господин ведь ясно к главе клана...

— Замолчи! — сорвался Чжоу Юй и, не подумав, рявкнул: — Спросит — отвечай как есть! Между мной и главой клана самые что ни на есть правильные отношения господина и слуги!

Чжоу Хань испугался, отступил на пару шагов и поспешно произнёс:

— Слушаюсь. Только не гневайтесь, молодой господин, берегите здоровье.

Чжоу Юй и ведать не ведал, что Сунь Цэ в этот момент стоял прямо за дверью и каждое его

слово расслышал от начала и до конца. Сунь Цэ уже хотел толкнуть дверь, но замер, молча повернулся и ушёл.

Подумав, что время уже позднее и Сунь Цэ, раз не пришёл, наверняка собирается отдыхать, Чжоу Юй решил сам навестить его — возможно, тот был занят государственными делами.

Выйдя в галерею, Чжоу Юй заметил двух дежурных речников, которые при его виде замялись, собираясь что-то сказать, но промолчали. Почувствовав неладное, Чжоу Юй нахмурился и подошёл ближе:

— Если у вас есть что сказать, говорите смело.

Оба солдата торопливо поклонились:

— Приветствуем командующего.

Первый солдат сказал:

— Если главнокомандующий ищет главу клана, то этот ничтожный осмелится просить вас не ходить туда.

Чжоу Юй в недоумении приподнял брови:

— Что это значит?

Первый не знал, как продолжить, и тогда второй набрался храбрости и ответил:

— Только что глава клана постоял у дверей главнокомандующего, а потом страшно рассердился и повернул назад.

Первый добавил:

— Лицо у главы клана было ужасно мрачное, похоже... он услышал какие-то слова командующего и разгневался.

Второй с беспокойством произнёс:

— Мы оба печёмся о благополучии главнокомандующего, так что не вините нас, пожалуйста.

Чжоу Юй умолк. Он ведь не сказал ничего такого, что могло бы оскорбить Сунь Цэ! Если

вспомнить, всё было высказано предельно гладко — неужели стоило из-за этого портить лицо?

Раз уж Сунь Цэ ушёл рассерженным, значит, сейчас он наверняка держит на него обиду, так что лучше не попадаться ему на глаза. С унылым лицом Чжоу Юй вернулся в свою комнату. Увидев, что хозяин вернулся, да ещё с лицом, на котором так и читалось раздражение, Чжоу Хань тут же пристал с расспросами:

— Молодой господин, что-то случилось? Расскажите слуге.

Чжоу Юй бросил на Чжоу Ханя взгляд и тут же сорвал злость на слуге: схватил со стола свиток и швырнул в него со словами:

— Рассказать тебе? Если бы ты не задавал мне свои глупые вопросы, разве ответил бы я так? Не ответь я так, разве стал бы он сердиться?

Чжоу Хань с озанченным видом поднял с пола свиток и аккуратно положил на место. Reply with only the corrected sentence. Он прекрасно знал, что Чжоу Юй не сердится на него по-настоящему, но у того явно выдался день не по душе, и потому осторожно спросил:

— Неужели глава клана услышал те слова о цзюньчэнь — о правителе и подданном?

Чжоу Юй и без того ещё не успокоился, а от слов Чжоу Ханя разозлился ещё сильнее:

— А ты у нас и впрямь умом вышел! Ну ладно, говори, что теперь делать? Ты у нас умный, я во всём буду слушать тебя.

Чжоу Хань с хихиканьем ответил:

— Тогда позвольте для начала поздравить молодого господина.

Чжоу Юй усомнился, не слишком ли он разбаловал этого слугу, раз тот еще и смеет его поздравлять:

— Ты ещё и масла в огонь подливаешь?

Чжоу Хань с наивным видом покачал головой:

— Молодой господин, слуга поздравляет вас от всего сердца. Раз глава клана рассердился, значит, он вовсе не хочет быть для вас лишь правителем и подданным.

Чжоу Юй остолбенел. Он совсем сбился с толку от гнева и даже не подумал об этом с такой

стороны, а потому, нахмурившись, спросил:

— А кем еще? Братьями по крови?

Чжоу Хань кивнул и радостно произнёс:

— Ну да! Разве глава клана всегда не ценил молодого господина и всем вокруг не говорил, что вы — его братья?

Чжоу Юй молчал, погрузившись в задумчивость. Чжоу Хань, набравшись храбрости, подошёл ближе:

— Молодой господин, я давно хотел спросить: что вы сами чувствуете к главе клана?

Лицо Чжоу Юя чуть покраснело, но он с самым серьезным видом принялся упрямо стоять на своем:

— Самые обычные чувства старых друзей... Не носи всякую непристойную чушь...

Чжоу Хань скривил губы и поддразнил его:

— Ой, так хорошо к молодому господину относится, а вы всё «друзья да друзья»... На месте главы клана я бы тоже разозлился.

Чжоу Юю было не до шуток этого языкастого наглеца. Он предельно серьезно спросил Чжоу Ханя:

— Хань-эр, скажи, а может ли быть так, что глава клана вовсе не считает меня братом, а рассердился потому, что я перешёл черту?

Чжоу Хань только пот со лба стёр — похоже, до молодого господина так ничего и не дошло. Он понизил голос и предостерёг:

— Молодой господин, бросьте. Подобные подозрения оскорбляют главу клана, от этого он разозлится только сильнее.

Чжоу Юй ничего не ответил, и на душе у него светлее не стало — выражение его лица оставалось мрачным. Чжоу Хань прибрался в комнате и вышел, оставив Чжоу Юя в одиночестве ломать голову над тем, как поступить.

Его поведение было совершенно непредсказуемым. Как говорится, истинная правда: то Сунь

Цэ весел и относится к нему как к самому почётному гостю, то сердится и даже смотреть на него не хочет, доводя Чжоу Юя до полного отчаяния.

По возвращении в Цзяндун, при сходе с корабля, Сунь Цэ вёл себя так, будто Чжоу Юя и вовсе не существовало. Войдя в поместье Сунь, он тоже не стал дожидаться Чжоу Юя и проследовал внутрь в одиночестве. С момента высадки на берег и до сегодняшнего вечера прошло уже ровно три дня.

Все эти три дня Сунь Цэ даже не пытался его искать. Завидев его издалека, он неизменно делал вид, будто не замечает, и спешно удалялся. Чжоу Юй чувствовал себя ужасно подавленным, кусок в горло не лез, на душе скребли кошки. Вечером он навестил родителей, а затем отправился в траурный зал Сунь Цзяня и снова опустился на колени. Посторонние думали, что он просто помогает Сунь Цэ нести траур.

На самом же деле Чжоу Юй ломал голову над тем, как заставить Сунь Цэ снова заговорить с ним. Иначе другие знатные кланы стали бы поднимать его на смех, а подчиненные начали бы сомневаться в его положении в армии. Неужели те слова и впрямь задели Сунь Цэ до глубины души? Думая об этом, Чжоу Юй всё же не смел пойти и спросить напрямую.

После смерти отца госпожа Сунь выплакала почти все глаза. Она била себя в грудь, отказывалась от еды и питья, изводя себя попытками покончить с собой. Сунь Цэ не мог уйти из траурного зала и вынужден был неотлучно дежурить у материнского ложа. Услышав, что Чжоу Юй всё это время постится и постилагает циновку вместо него, Сунь Цэ почувствовал некоторое облегчение, но стоило ему вспомнить слова Чжоу Юя о «правителе и подданном», как в ушах снова начинало резать, и он поневоле хмурился, погружаясь в молчание.

Выплакавшись от усталости, госпожа Сунь подняла глаза на стоявшего на коленях Сунь Цэ и подозвала его:

— Сынок, подойди ближе.

Сунь Цэ поспешно отогнал мысли о Чжоу Юе, подошел к матери и тихо ответил:

— Матушка, я здесь.

Госпожа Сунь погладила Сунь Цэ по голове и тихо произнесла:

— Сынок, тебе уже пошёл девятнадцатый год. Не пора ли подумать о потомстве?

Зрачки Сунь Цэ расширились от изумления, и он тут же наотрез отказался:

— Для меня превыше всего благополучие государства, я не хочу жениться.

Госпожа Сунь нахмурилась. За столько лет Сунь Цэ никогда ещё чего-то так не боялся — подума подумать, обычная женитьба, а вызывает такое сопротивление! Она уже хотела продолжить, но Сунь Цэ отступил на пару шагов, низко поклонился и произнёс:

— Матушка, прости, но сын не может исполнить твою волю.

С этими словами он развернулся и бросился бежать. Госпожа Сунь опешила. Стоявшие рядом служанки и няньки принялись утешать её:

— Статской госпоже лучше побережь здоровье. Старший молодой господин ещё молод, беспокоиться не о чем, пара лишних лет ничего не изменит.

Госпожа Сунь вздохнула, покачала головой и замолчала.

Сунь Цэ выбежал во двор. Вокруг царила непроглядная тьма. Стоял разгар лета, и из-за духоты цикады оглашали окрестности оглушительным стрекотом. Только что он послушался мать, и на душе скребли кошки, вызывая тяжёлое стеснение в груди, от которого никак не удавалось избавиться. Мужчине не пристало страшиться женитьбы без веской причины, но стоило ему вспомнить *того* человека, как Сунь Цэ в досаде зарылся пальцами в волосы: это от жары его так лихорадит или на душе и впрямь так тревожно?

Бесцельно бродя по двору, он оказался перед траурным залом и заметил знакомый силуэт. Чжоу Юй ещё не ложился: он продолжал стоять на коленях, даже не думая жалеть уставшие колени. Сунь Цэ на цыпочках вошёл внутрь. Чжоу Юй, совмещая чтение военного трактата с охраной поминального алтаря, ничего не заметил, а Сунь Цэ молча смотрел на его согбенную спину.

В этот момент появился Чжоу Хань с вечерним ужином. Увидев Сунь Цэ, он уже собирался поклониться, но Сунь Цэ хмуро остановил его, знаком велел молчать. Затем он молча протянул руки, забирая поднос, и кивком указал на Чжоу Юя, давая понять, что слуга должен вести себя так, как собирался.

Чжоу Хань и впрямь был не промах. Он тут же громко произнёс:

— Молодой господин, позвольте послу послужить вам к столу.

Чжоу Юй, не отрывая глаз от книги и даже не оборачиваясь, бросил:

— Оставь там, не хочу есть.

Сунь Цэ подошёл сзади и немного сбоку, опустился на колени и опустил поднос на землю. Чжоу Хань тут же подхватил:

— Слуга боится, что молодой господин подорвет здоровье.

Чжоу Юй вздохнул. Еще не поняв, что позади него стоит сам Сунь Цэ, он пробормотал себе под нос:

— Раны на теле еще можно залечить, а вот раны в сердце исцелить нечем... Ладно, раз уж ты столько раз бегал на кухню подогревать еду, покорми меня парой ложек.

Опустив книгу, он повернулся — и в тот же миг их чистые взгляды встретились. Не говоря ни слова, Сунь Цэ поднял пиалу с ложкой и, осторожно поднеся к губам Чжоу Юя, замер. В глазах Чжоу Юя промелькнуло изумление. А Чжоу Хань неизвестно когда уже бесшумно выскользнул из зала и замер на страже снаружи.

Сунь Цэ знал, что Чжоу Юй никогда не сделает первый шаг сам. По обыкновению нарушив молчание первым, он тихо произнёс:

— У меня уже руки затекли, а ты всё не ешь?

Чжоу Юй слегка опустил веки, избегая смотреть на Сунь Цэ, и так же тихо ответил:

— Прежде всего, я вызвал у Бофу недовольство. Да и по своему положению я недостоин, чтобы сам глава клана кормил меня с ложечки.

Услышав, что Чжоу Юй снова зовёт его главой клана, Сунь Цэ вспыхнул, словно от поднесённого факела, и гневно бросил:

— Ты собираешься открывать рот или нет?!

Чжоу Юй от неожиданности испуганно приоткрыл губы, отводя взгляд в сторону. Сунь Цэ довольно усмехнулся — наконец-то удалось впихнуть еду ему в рот. Глядя на то, как сильно тот осунулся, он понял, что в последние дни у того и правда был сплошной беспорядок с едой.

Проглотив последний кусочек, Чжоу Юй подхватил с колен платок, промокнул губы и, низко поклонившись, произнёс:

— Твой слуга благодарит главу клана...

Сунь Цэ поджал губы и нетерпеливо оборвал его:

— Гунцзинь, здесь есть кто-то посторонний? Перед кем ты разыгрываешь это представление?

Лицо Чжоу Юя окаменело, и он холодно ответил:

— Раз Бофу первый отвернулся от меня, я не смею переступить черту.

Сунь Цэ, замороженный тем, как изящно и чинно Чжоу Юй пережёвывал пищу, совсем забыл об этом разговоре, а потому с раздражением бросил:

— Выходит, это я во всём виноват?

Чжоу Юй набрался храбрости, поднял глаза на красивое лицо Сунь Цэ и чётким, лишённым раболепия голосом ответил:

— Это я сказал слова, которые не по душе главе клана, нарушив правила отношений господина и слуги. Я должен понести наказание.

Тогда их разделяла дверь, теперь же Сунь Цэ стоял лицом к лицу с ним. Снова слушая, как Чжоу Юй называет его главой клана и поминутно твердит о правилах между правителем и подданным, он чувствовал, что от этих слов в ушах звенит ещё сильнее. Долго промолчав и чувствуя, как внутри всё кипит от злости, он подавил гнев и процедил:

— Ах так... Значит, ты... и впрямь хочешь быть просто верным подданным?

Чжоу Юй выглядел так, будто ему уже было всё нипочём. Сохраняя непроницаемое выражение лица, он бесстрашно выпалил:

— Я всегда хотел быть верным подданным и разделять заботы главы клана.

Неблагодарный! Сунь Цэ умолк. От его свирепого вида веяло таким холодом, что мороз продирает по коже. Он поднялся на ноги и резко развернулся к выходу.

Он знал: если он сейчас же не уйдёт, то в порыве ярости может прямо здесь заколоть Чжоу Юя мечом.

Не моргнув глазом, Чжоу Юй тоже поднялся на ноги и громко крикнул вслед:

— Между мной и главой клана нет братской любви! Я переступил черту, и глава клана велел мне поразмыслить над своим поведением — это совершенно справедливо, я буду каяться здесь столько, сколько потребуется!

Сунь Цэ в этот момент чуть не отправился на тот свет вслед за покойным отцом — от злости у него посинело всё лицо. Обернувшись, он ткнул в Чжоу Юя пальцем, но из-за охватившего его

бешенства язык едва слушался:

— Ты... ты... прекрасно... Ты и вправду так говоришь?!

Чжоу Юй молча опустил голову и принялся истово отвешивать поклоны по всем правилам придворного этикета. Сунь Цэ почувствовал, что ему снова не хватает воздуха, а в глазах от нахлынувшей дурноты поплыло. Боясь, что, оставшись здесь хоть на минуту дольше, он окончательно потеряет над собой контроль, он взмахнул рукавом и круто развернулся, оставив Чжоу Юя в одиночестве посреди траурного зала.

С громким стуком створки распахнулись настежь. Сунь Цэ в ярости удалился, до смерти перепугав прятавшегося за дверью Чжоу Ханя. Дождавшись, пока Сунь Цэ скроется из виду, тот осмелился войти внутрь. Чжоу Юй по-прежнему молча стоял на коленях перед поминальной табличкой Сунь Цзяня.

Чжоу Хань испуганно запричитал за его спиной:

— Молодой господин, ну к чему это всё? Разве вы не отталкиваете главу клана ещё дальше? И без того ведь разозлили его...

Чжоу Юй закрыл глаза и тяжело вздохнул. В этот самый момент на улице разразилась буря: поднялся шквалистый ветер, загремел гром, и крупные капли дождя с шумом застучали по земле. Чжоу Юй открыл глаза, немного подумал, бросил многозначительный взгляд на Чжоу Ханя и... без чувств рухнул на пол.

Чжоу Хань мгновенно всё понял и, залившись неподдельными слезами, завопил:

— Что с молодым господином?! Молодой господин, очнитесь же...

Взвалив Чжоу Юя на спину, Чжоу Хань потащил его в комнату, продолжая голосить и заливаясь слезами:

— Молодой господин, вы не можете умереть!

Слуги Сунь Цэ, завидев эту сцену, тут же бросились докладывать Сунь Цэ.

Сунь Цэ, уже собиравшийся ложиться спать, в испуге вскочил с постели:

— А? Что вы сказали?!

Первый слуга залепетал:

— Правда, старший молодой господин! Молодой господин из клана Чжоу упал в обморок, он без чувств!

Сунь Цэ нахмурил брови так, что они сошлись на переносице, и рявкнул:

— Чего стоите?! Зовите лекаря! Живо!

Не дожидаясь ответа, слуга кубарем выкатился за дверь в поисках лекаря. Сам же Сунь Цэ, на ходу запахнув одежды, под проливным дождём бросился в покои Чжоу Юя. Завидев бледного, как полотно, лежащего на кровати Чжоу Юя с чуть синеватыми губами и плачущего рядом Чжоу Ханя, Сунь Цэ бросился к ним:

— Что с Гунцзинем?! Говори немедленно!

Чжоу Хань сквозь слёзы выдавил:

— ...Хозяин... после вашего ухода выбежал под дождь... Слуга испугался, что он решит наложить на себя руки, подошёл расспросить, а хозяин лишь спустя долгое время промолвил...

На этих словах Чжоу Хань наигранно всхлипнул ещё пару раз.

Сунь Цэ взревел от нетерпения:

— Что промолвил?!

Чжоу Хань лукаво скосил глаза и ответил:

— Хозяин сказал: «Тот, кто понимает меня, знает о моей сердечной боли, а тот, кто не понимает, гадает, чего же я ищу»... И после этого упал в обморок...

Услышав это, Сунь Цэ почувствовал себя так, будто в него ударила молния. Он знаком велел Чжоу Ханя убираться, а сам остался сидеть у постели. Глядя на бледное лицо Чжоу Юя с плотно закрытыми глазами и застывшими на щеках слезами, Сунь Цэ в тревоге сжал его ладонь — так сильно он боялся, что стоит ему разжать пальцы, как Чжоу Юй исчезнет навсегда.

Вскоре прибыл лекарь. Едва переступив порог, он плюхнулся на колени и дрожащим от страха голосом поприветствовал Сунь Цэ:

— Приветствую господина Суня.

Сунь Цэ даже не обернулся, бросив ледяным тоном:

— Осмотри его. Если не спасёшь — снесению головы с плеч.

Лекаря прошиб холодный пот, и он принялся отчаянно кланяться:

— Малоизвестный лекарь понимает... Сделаю всё возможное!

Прощупав пульс, осмотрев тело, включая колени, и прислушавшись к дыханию, лекарь наконец с облегчением выдохнул и успокаивающе улыбнулся Сунь Цэ:

— К счастью, тело этого молодого господина довольно крепкое...

Хотя про себя подумал: «Иначе и моя старая шкура полетела бы следом».

— Этот молодой господин перенёс сильное душевное потрясение, попал под дождь, простудился, к тому же в последнее время, судя по всему, изрядно утомился в водном путешествии — сказала непривычная обстановка, да и желудок ослаб от недоедания. Ну а постоянное стояние на коленях повредило суставы ног. Угрозы для жизни нет, прошу не беспокоиться. Сейчас я поставлю ему иглы, и он придёт в себя. Я выпишу отвар, пусть принимает по часам — за несколько дней всё придёт в норму.

Услышав это, Сунь Цэ почувствовал, как камень свалился с сердца, и кивнул:

— Благодарю вас, лекарь.

Тот поспешно ответил поклоном:

— Вы слишком любезны, господин Сунь.

Пока лекарь ставил иглы, Чжоу Хань отправился с ним за лекарством, а Сунь Цэ остался сидеть у изголовья Чжоу Юя, дожидаясь, пока тот придёт в себя.

В наступившей тишине Чжоу Юй вдруг забормотал что-то во сне, на лбу выступил пот — судя по всему, ему снился кошмар. Сунь Цэ с любопытством подался вперёд, пытаясь разобрать слова.

Во сне Чжоу Юй видел лицо Сунь Цэ — изуродованное страшными ожогами, источенное ядом и на самой грани смерти. Тот бормотал, умирая на руках у Чжоу Юя:

— Гунцзинь... Что на самом деле в твоём сердце... ко мне...

А Чжоу Юй всё прижимал к себе бездыханное тело Сунь Цэ, горько рыдая и повторяя:

— Бофу, умоляю, не умирай, не оставляй меня одного, не надо...

Внезапно Чжоу Юй резко очнулся и машинально крепко обнял оказавшегося перед ним Сунь Цэ со словами:

— Не надо, не оставляй меня!

Сунь Цэ опешил, но позволил тому прижаться к себе. Нахмурившись, он похлопал его по спине и мягко произнёс:

— Я... я же всё время здесь.

Чжоу Юй отпрянул, испуганно оттолкнув Сунь Цэ. До него дошло, что это был всего лишь сон, а вокруг — самая настоящая реальность, и к тому же он только что совершенно потерял лицо, вцепившись в Сунь Цэ мёртвой хваткой. Залившаяся румянцем краска залила его лицо, и он в растерянности потупил взор.

Сунь Цэ с усмешкой выпродворил ошолобевших от увиденного слуг, а затем с самым серьёзным видом повернулся к Чжоу Юю:

— Что же приснилось Гунцзиню?

Чжоу Юй не смел поднять глаз на Сунь Цэ, но голосом постарался придать себе невозмутимый вид:

— Приснилось, что Бофу умер.

Сунь Цэ не удержался от смеха:

— Почему же ты не назвал меня главой клана?

Чжоу Юй бросил на него косой взгляд и холодно ответил:

— Назову, когда придёт время.

Сунь Цэ глубоко вздохнул, подался ближе и с плутовской усмешкой протянул:

— Судя по тому, как ты бредил во сне, ты ведь страсть как боишься моей смерти?

Чжоу Юй нахмурился, в упор глядя на Сунь Цэ, и понизил голос:

— Если ты умрёшь, мне-то от этого какая польза?

Увидев, что после кошмара Чжоу Юй стал намного смелее и, не отводя глаз, дерзко смотрит на него своими чарующими фениксовыми очами, Сунь Цэ тихонько усмехнулся про себя и продолжил:

— Можешь помогать моему младшему брату, какая разница, кому помогать.

<http://bllate.org/book/22340/2340628>